

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

РЕШЕНИЕ

именем Латвийской Республики

Рига, 10 мая 2013 года

по делу № 2012-16-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Гунарс Кутрис, судьи Каспарс Балодис, Айя Бранта, Кристине Крума, Улдис Кинис и Санита Осипова, секретарь судебного заседания Элина Курсиша, при участии заявителя – Яниса Нейманиса – и уполномоченного представителя органа, издавшего оспариваемый акт – Сазймы (Парламента) Латвийской Республики – руководителя Юридического бюро Сазймы Гунарса Кусиньша, на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, а также статьи 19² закона О Конституционном суде, на открытом судебном заседании 3 и 10 апреля 2013 года рассмотрел дело

«О соответствии части третьей статьи 86 закона «О судебной власти» статье 102 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. 15 декабря 1992 года Верховный Совет Латвийской Республики принял закон «О судебной власти». Часть третья статьи 86 упомянутого закона гласит: «Должность судьи несовместима с принадлежностью к

партиям и другим политическим организациям» (далее в тексте – оспариваемая норма).

С момента вступления в силу оспариваемая норма изменениям не подвергалась.

2. Заявитель – **Янис Нейманис** (далее в тексте – Заявитель) – считает, что оспариваемая норма не соответствует статье 102 Конституции.

2.1. Решением от 13 декабря 2007 года Сазйма утвердила Заявителя в должности судьи Департамента по административным делам Сената Верховного суда. Так как с течением времени Заявитель осознал, насколько важно, чтобы его политические взгляды на процессы, происходящие в обществе, получили свое выражение и были должным образом представлены, он желал бы осуществлять деятельность в составе политической партии.

По мнению Заявителя, оспариваемая норма ограничивает предоставляемые ему статьей 102 Конституции основные права, не позволяя ему вступать в политические партии. Ограничение, устанавливаемое оспариваемой нормой, является общим и продолжительным и создало ущемление прав Заявителя, когда он принял решение вступить в политическую партию или участвовать в создании такой партии. Однако Заявитель указывает, что момент наступления правовых последствий оспариваемой нормы не поддается определению. Заявитель подчеркивает, что у него нет возможности защитить свои конституционные основные права при помощи общих средств защиты прав.

2.2. Цель оспариваемой нормы заключалась в недопущении влияния коммунистической партии на судебную власть и в обеспечении отсутствия связи между судьями и политикой упомянутой партии. По мнению Заявителя, в наши дни подобное ограничение уже не является оправданным. Каждый индивидуум, в том числе и судья, политически активен. Чтобы политические партии пользовались общественным признанием и были сильны, нет оснований препятствовать какой-либо социальной группе в выражении ею ее политических взглядов и в осуществлении ею действий в составе политических партий.

2.3. Как указывает Заявитель, легитимная цель оспариваемой нормы

заключается в обеспечении независимости судьи, то есть его нейтралитета и объективности. Однако оспариваемая норма налагает несоразмерные ограничения на основные права Заявителя, закрепленные в статье 102 Конституции. Достижение легитимной цели оспариваемой нормы обеспечивается принципом независимости судей, закрепленным в статье 83 Конституции, а также институтами отвода и отклонения судей. Таким образом, в ограничении, установленном оспариваемой нормой, нет необходимости.

В системном плане оспариваемая норма противоречит положениям статьи 10 закона О выборах в думу города республиканского значения и краевую думу и части четвертой статьи 6 закона О выборах в Саэйму. По мнению Заявителя, для того, чтобы судья мог выдвинуть свою кандидатуру на выборах от списка политической партии, он должен являться ее членом.

Во время судебного заседания Заявитель упомянул дополнительные соображения касательно того, в какой момент произошло ущемление его основных прав. При вступлении в должность судьи он не мог четко прогнозировать свое будущее. Таким образом, моментом ущемления прав следует считать момент, когда лицо заявило о принятии им решения о вступлении в политическую партию. Такое решение, по словам Заявителя, было принято им при подаче конституционной жалобы в Конституционный суд. Заявитель указал, что сомнений касательно момента ущемления основных прав не возникло бы, если бы оспариваемая норма была к нему применена. Однако в таком случае он нарушил бы запрет, установленный оспариваемой нормой. Подобное требование выдвигаться не может, так как оно побуждало бы его к противозаконным действиям.

Кроме того, Заявитель указал, что главной для судьи является работа судьи и обязанность сохранять нейтралитет. Таким образом, членство в партии не мешало бы судье рассматривать дела объективно, оценивая обстоятельства каждого конкретного дела. Заявитель считает, что следовало бы позволить судьям становиться членами политических партий, при этом законодатель мог бы ограничить возможности использования судьями некоторых прав членов партий.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Саэйма – не согласен с

мнением Заявителя и считает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции. Кроме того, Сазэйма просит рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего судопроизводства по данному делу. По мнению Сазэймы, присутствуют сомнения касательно соблюдения Заявителем срока подачи конституционной жалобы, определенного в законе О Конституционном суде.

3.1. Ограничение свободы ассоциаций, установленное посредством оспариваемой нормы, было сформулировано в 1991 году пленумом Верховного суда и впоследствии стало частью закона. Обязательными к соблюдению для судей являются не только требования нормативных актов, но и правила профессиональной этики судей. Оспариваемая норма по существу представляет собой канон профессиональной этики судей, который законодатель включил в закон. Таким образом, внесение в оспариваемую норму поправок или отмена этой нормы сами по себе не наделят Заявителя правом вступления в политическую партию.

Цель оспариваемой нормы заключается в обеспечении независимости, то есть нейтралитета и объективности судьи, а также в предотвращении возможной политизации судейского корпуса в будущем. По мнению Сазэймы, оспариваемая норма принята с целью защиты демократического строя государства. Запрет, содержащийся в оспариваемой норме, относится не только к судьям, но и к кандидатам на должность судьи.

Сазэйма не согласна с утверждением Заявителя о том, что оспариваемая норма принята с целью недопущения влияния коммунистической партии на судебную власть, так как деятельность упомянутой партии в момент принятия оспариваемой нормы уже была прекращена. Кроме того, принятие оспариваемой нормы входит в сферу свободы действий государства, предусматриваемой вторым предложением части второй статьи 11 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

3.2. Сазэйма считает, что вопрос о соответствии оспариваемой нормы статье 102 Конституции следует рассматривать во взаимосвязи со статьей 101 Конституции, так как осуществление деятельности в составе политической партии не является самоцелью. Вступление в политическую партию является лишь одним из способов участия граждан Латвии в

деятельности государства и органов самоуправления, а также несения службы в государственном аппарате.

Заявитель выполняет обязанности судьи в суде кассационной инстанции, имеющем особое значение. Таким образом, у него имеется достаточно много возможностей для внесения правового и политического вклада в укрепление демократического государственного строя. Должность судьи допускает широкие возможности в отношении участия в ведении государственных и муниципальных дел. Оспариваемая норма не запрещает Заявителю претендовать на другие должности, если он усматривает в них возможность более полноценного использования своих профессиональных знаний, например, выдвигать свою кандидатуру на выборах в Сазйму без необходимости предварительно отказаться от должности судьи.

3.3. Сазйма указывает, что отвод и отклонение судьи не являются средствами, пригодными для достижения легитимной цели оспариваемой нормы. Например, не во всех видах процесса возможно отклонение судьи.

Список членов политической партии не является общедоступной информацией, и лицо нельзя обязать раскрыть его политическую принадлежность. Подозрения о возможной принадлежности судьи к политической партии могут стать причиной негативного отношения к судье, а также создать впечатление политизированности судебной власти. Таким образом, единственным эффективным средством, устраняющим всякие подозрения о политизированности судебной власти и о влиянии отдельных политических партий на решения судей, является клаузула о политическом нейтралитете, то есть о том, что судьям запрещено принадлежать к партиям и политическим организациям.

В дополнение к вышесказанному, во время судебного заседания **представитель Сазймы Гунарс Кусиньш** подчеркнул существенную роль доверия общества к судебной власти, которое может быть подорвано участием судей в политических партиях. Со ссылкой на заключения Европейского Суда по правам человека (далее в тексте также именуемого ЕСПЧ) представитель Сазймы указал на важность обеспечения очевидной справедливости и объективности деятельности суда, чтобы у общества не возникало разумных оснований для сомнений в способности судей отправлять правосудие справедливым образом.

4. Приглашенное лицо – **Министерство юстиции** – считает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции.

4.1. Легитимная цель оспариваемой нормы заключается в том, чтобы обеспечить независимость судебной власти и право лиц на защиту прав и законных интересов в справедливом суде. Министерство юстиции считает, что оспариваемая норма обеспечивает эффективное достижение легитимной цели. По мнению Министерства юстиции, легитимная цель не может быть достигнута при помощи средств, в меньшей степени ограничивающих основные права лиц. Мнение Заявителя о том, что цель принятия оспариваемой нормы заключалась в устранении влияния коммунистической партии на судебную власть, необоснованно. Оспариваемая норма является не только нормой закона, но и этической нормой, поэтому даже ее отмена не позволила бы судье участвовать в деятельности политических партий.

4.2. Министерство юстиции указывает, что суд должен выносить решения исключительно на основании фактических и правовых обстоятельств дела. В свою очередь политическая партия может требовать, чтобы ее члены были лояльны целям партии. Выражение судьей поддержки в отношении целей определенной политической партии может вызвать в участниках дела сомнения в объективности судьи. Если бы судья являлся членом политической партии, невозможно было бы обеспечить независимость судебной власти, а она является обязательным условием реализации прав на справедливый суд. Кроме того, контроль за деятельностью политических партий доверен судебной власти.

Министерство юстиции считает, что следует разграничивать активную политическую деятельность и личные политические взгляды и оценки. То есть должна существовать граница между судьей как социально активным гражданином с одной стороны и судьей как представителем судебной власти с другой стороны. Так например, если бы председатель суда принадлежал к какой-либо политической партии, в обществе могло бы создаться впечатление, что суд поддерживает политическую позицию соответствующей партии. Тем самым в обществе укоренилось бы мнение, что судебная власть не является политически независимой.

4.3. Отвод и отклонение судьи представляют собой процессуальные

инструменты, используемые в рамках конкретных дел, и укрепление уверенности общества в независимости судебной власти не является их задачей. Если бы судья принадлежал к какой-либо политической партии, возможность отклонения такого судьи была бы затруднена из-за того, что участники дела могли бы не знать, к какой партии принадлежит судья. Кроме того, отмена запрета, содержащегося в оспариваемой норме, повлияла бы на порядок распределения дел в судах, так как приходилось бы считаться с возможностью отклонения или самоотвода судьи в связи с его принадлежностью к определенной политической партии.

4.4. Кандидат в депутаты не обязательно должен являться членом политической партии, чтобы баллотироваться на выборах в Сазьму, в думу города республиканского значения или краевую думу. Однако судья, баллотирующийся на выборах, не должен участвовать в активной политической агитации.

Судье суда кассационной инстанции не воспрещается выражать свою позицию в области правовой политики. Он может участвовать в принятии существенных в плане правовой политики судебных постановлений. Свою позицию в области правовой политики суд может выражать, например, путем подачи заявлений в Конституционный суд, преюдициальных запросов Суду Европейского Союза по вопросам интерпретации правовых актов Европейского Союза, а также при рассмотрении решений Центральной избирательной комиссии об отказе в регистрации законопроектов или проектов поправок к Конституции.

4.5. Во время судебного заседания **юрисконсульт Департамента политики судебной системы Министерства юстиции Улдис Дрейманис** указал, что в 2002 году под руководством министра юстиции Ингриды Лабуцки был разработан законопроект «Закон о судебной власти». Упомянутый законопроект, среди прочего, предусматривал, что должность судьи несовместима с принадлежностью к партиям и другим политическим организациям. Международные эксперты из Венецианской комиссии, Программы развития ООН и Всемирного банка, производившие оценку упомянутого законопроекта, не выразили возражений против данного ограничения.

Представитель Министерства юстиции также подчеркнул, что списки

членов политических партий не являются общедоступной информацией. Таким образом, для участников дела может оказаться невозможным выяснить принадлежность судьи к конкретной политической партии.

5. Приглашенное лицо – **Верховный суд Латвийской Республики** – указывает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции.

5.1. 14 февраля 1990 года пленум Верховного суда Латвийской ССР принял решение № 1 «О совместимости принципа независимости судьи с принадлежностью к политическим партиям и общественно-политическим организациям» и решил просить Верховный совет Латвийской ССР дополнить статью 11 закона «О судебном устройстве Латвийской ССР» частью второй, в которой содержалось бы требование о несовместимости должности судьи с принадлежностью к политическим партиям и общественно-политическим организациям. Это относилось не только к коммунистической партии, но и ко всем прочим партиям и политическим организациям.

5.2. 20 апреля 1995 года на конференции судей Латвийской Республики был утвержден Кодекс судейской этики Латвии. Канон 5 упомянутого кодекса гласит, что судья или кандидат в судьи воздерживается от политической деятельности.

Запрет, содержащийся в оспариваемой норме, все еще остается необходимым и актуальным, так как его цель заключается в обеспечении того, чтобы при выполнении должностных обязанностей судья был независим и его политические взгляды не влияли бы на результат выполнения должностных обязанностей. Данный запрет способствует доверию общества к судебной власти и согласуется с ценностями демократического общества.

5.3. Во время судебного заседания **председатель Верховного суда Иварс Бичковичс** указал, что в конституционной жалобе Заявитель выражает свое личное мнение, которое не следовало бы переносить на других судей. И. Бичковичс подчеркнул, что ему неизвестно о существовании других судей, желающих вести деятельность в составе политических партий.

Решение пленума Верховного суда от 11 марта 1991 года «О

независимости судов Латвийской Республики» содержит несколько принципов, в том числе и принцип независимости судебной власти. Однако устранение влияния коммунистической партии на судебную власть не было единственной целью принятия упомянутого решения.

В процессе разработки законопроекта «Закон о судебной власти» в 2002 году ни у кого не возникало сомнений в необходимости запрета, включенного в оспариваемую норму. На судебном заседании И. Бичкович не стал отрицать, что законодатель мог бы периодически пересматривать вопрос о необходимости оспариваемой нормы. Однако в настоящее время судьи поддерживают запрет, устанавливаемый оспариваемой нормой.

6. Приглашенное лицо – **Совет юстиции** – поддерживает устанавливаемое оспариваемой нормой ограничение на совмещение должности судьи с принадлежностью к партиям и другим политическим организациям.

7. Приглашенное лицо – **Общество судей Латвии**, представленное на судебном заседании его **президентом Иветой Анджане**, – указывает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции.

7.1. Цель оспариваемой нормы заключается в обеспечении независимости судей и нейтралитета при назначении судей, а также в приумножении доверия общества к судебной власти.

Несмотря на то, что оспариваемая норма не является единственным способом достижения цели, отклонение и отвод судьи сами по себе недостаточно эффективны. При рассмотрении дела возможны случаи отклонения или самоотвода судьи, чтобы общество, будучи благоразумным наблюдателем, могло доверять суду. Упомянутые процессуальные средства применяются исключительно в рамках конкретного дела и доступны только лицам, участвующим в нем. Таким образом, запрет, содержащийся в оспариваемой норме, является соразмерным.

7.2. Любая партия вправе включать в свой список кандидатов в депутаты лиц, не принадлежащих к партии, в том числе судей. Таким образом, судье не запрещается выступать кандидатом в депутаты, однако, будучи избранным, он теряет должность судьи.

Судья может временно включаться в работу государственного управления в областях, связанных с судебной системой и правовой политикой, например, в другом суде, Министерстве юстиции, Судебной администрации или международной организации.

Должность судьи суда кассационной инстанции не предоставляет соответствующему лицу возможности выражать свою позицию в сфере политики права в рамках выполнения должностных обязанностей. Делать это судья может лишь при посредничестве Общества судей Латвии, Общества административных судей Латвии или Совета юстиции.

8. На судебном заседании было заслушано приглашенное лицо – Комиссия по судейской этике, представленное заместителем председателя Дзинтрой Балтой.

На судебном заседании представитель Комиссии по судейской этике указала, что запрет, устанавливаемый оспариваемой нормой, является соразмерным и соответствует статье 102 Конституции. Цель запрета, устанавливаемого оспариваемой нормой, заключается в укреплении доверия общества к судебной власти. Так как престиж политических партий достаточно низок, участие судей в таких партиях могло бы оказать негативное влияние на доверие общества к судебной власти. Поэтому в нынешних обстоятельствах запрет необходимо сохранить.

Более высокая степень доверия общества к судебной власти обеспечивается таким нормативным регулированием, которое наряду с запретом принадлежать к политическим партиям предусматривает возможность отвода и отклонения судьи. Упомянутые институты процессуального права не могли бы обеспечить доверие общества к судебной власти в достаточной степени, если бы не было оспариваемой нормы.

Кроме того, представитель Комиссии по судейской этике выразила мнение, что Кодексом судейской этики Латвии могут устанавливаться и более существенные ограничения, чем ограничения, предусмотренные законом «О судебной власти».

9. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее в тексте – Омбудсмен) – указывает, что оспариваемая норма соответствует

статье 102 Конституции.

9.1. Ограничения на ведение деятельности в составах политических партий и партийных объединений, относящиеся к судьям, государственным чиновникам и другим должностным категориям, допускаются международными документами по правам человека, а также признаны в юдикатуре ЕСПЧ. Государства обладают достаточно широкой свободой действий при назначении ограничений на ведение политической деятельности в отношении отдельных должностных категорий.

Легитимная цель оспариваемой нормы заключается не только в обеспечении независимости судьи, но и в обеспечении соблюдения интересов общества, то есть права на справедливый, независимый и объективный суд. Целью запрета, содержащегося в оспариваемой норме, не было устранение влияния коммунистической партии, поскольку деятельность последней в момент принятия соответствующей нормы уже была запрещена.

Омбудсмен считает, что только полная свобода от внешнего влияния может обеспечить абсолютную независимость суда. В обществе не должно возникать опасений касательно объективности суда, поэтому необходимо укреплять авторитет судебной власти. Омбудсмен указывает, что в настоящее время вовлечение судей в политику могло бы умалить доверие общества к судебной системе.

9.2. Юридически более точным и процессуально более экономичным является средство, недвусмысленно запрещающее судьям вести деятельность в составах политических партий. Если бы не существовало запрета, содержащегося в оспариваемой норме, не было бы уверенности в способности судей выносить решения без влияния политических партий.

Омбудсмен считает, что судья может быть политически активным, не будучи членом политической партии. Например, судья может пользоваться своим активным и пассивным избирательными правами. Согласно Кодексу судейской этики Латвии судья может оставаться в должности во время предвыборной кампании, являясь кандидатом в депутаты на выборах в Сазиму или органы самоуправления. Кроме того, обладая широкой свободой действий в сфере интерпретации норм права, судья Верховного суда может вносить свой вклад в укрепление демократического государства в области

политики права.

На судебном заседании **советник Омбудсмeна Артурс Кучс** указал, что среди демократических стран Европы нет единой практики в вопросе о допустимости принадлежности судей к политическим партиям. Нормативное регулирование должно способствовать доверию общества к судебной власти. Со ссылкой на Бангалорские принципы поведения судей (далее в тексте – Бангалорские принципы) Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций (далее в тексте – ООН) представитель Омбудсмeна подчеркнул, что участие в политических партиях не обеспечивало бы независимость и объективность судей с точки зрения общества.

10. Приглашенное лицо – **профессор высшей школы бизнеса «Туриба», Dr. iur. Айварс Эндзиньш** – указывает, что цель оспариваемой нормы заключается в обеспечении независимости судов и судей от возможного влияния политических организаций, которое может быть связано с партийной дисциплиной или реализацией политической программы. Устранение возможного влияния коммунистической партии на судебную власть не являлось целью принятия оспариваемой нормы. Оспариваемая норма была принята с целью недопущения влияния новых политических партий на работу судов.

Запрет на ведение судьями деятельности в составах политических партий содержится в законах о судебном устройстве и даже в конституциях многих стран. Установление законных ограничений, не позволяющих должностным лицам, находящимся на государственной службе, в том числе судьям, объединяться в общества, политические партии и другие общественные организации, является допустимым.

А. Эндзиньш считает, что оспариваемая норма обеспечивает политически-нейтральную беспартийную судебную власть. Оспариваемая норма способствует воплощению принципа независимости судей и является соразмерной. Судья может выражать свою политическую и гражданскую позицию путем голосования на выборах в Саэйму, Европейский парламент и органы самоуправления, а также через участие в народных голосованиях.

Вышеизложенного мнения А. Эндзиньш продолжал придерживаться и

на судебном заседании, в дополнение подчеркнув, что судьям не запрещается выступать в качестве кандидатов на выборах. Он указал, что человеку необходимо сделать выбор – быть судьей или членом политической партии. А. Эндзиньш признал, что ограничение, содержащееся в оспариваемой норме, возможно, может быть отменено в будущем, однако в настоящее время оно является оправданным.

11. Приглашенное лицо – **присяжный адвокат Гвидо Земрибо** – указывает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции, так как ограничение прав, содержащееся в ней, является легитимным, соразмерным и необходимым в демократическом обществе для защиты прав других людей, демократического государственного строя и общественной безопасности.

11.1. Цель оспариваемой нормы – обеспечить, чтобы судебная власть была объективной и принимала решения без какого-либо внешнего давления. Члены политических партий и организаций подчинены партийной дисциплине, уставу и программам. Таким образом, у руководителей партий имеются возможности для оказания влияния на членов партий. Если бы судья одновременно занимал должность судьи и принадлежал к какой-либо политической партии, мог бы возникнуть конфликт интересов.

Оспариваемая норма была принята с целью недопущения политизации судебной власти. Таким образом, утверждение Заявителя о том, что цель оспариваемой нормы заключалась в устранении влияния коммунистической партии на судебную власть, является необоснованным.

11.2. Г. Земрибо считает, что оспариваемая норма достаточно эффективна. Статья 83 Конституции представляет собой норму права общего характера, включающую в себя принцип с широким содержанием. Осуществление принципа независимости судов обеспечивается целым рядом норм права, образующих комплекс норм права. В случае отмены какой-либо из этих норм действие принципа независимости судов, содержащегося в Конституции, уже не было бы столь эффективным.

Отвод и отклонение судьи не являются адекватными средствами достижения легитимной цели, так как они регламентируют другие ситуации. Процессуальные законы не предусматривают, что судья обязан осуществить

самоотвод или что участники дела имеют право отклонить судью по причине того, что судья является членом политической партии. Институт отклонения является одним из слабейших институтов и не всегда обеспечивает объективное рассмотрение дела.

11.3. Г. Земрибо указывает, что запрет на принадлежность к политическим партиям установлен не только в отношении судей судов общей юрисдикции, но также включен в закон О Конституционном суде, закон О прокуратуре, закон Об Омбудсмене, закон О Государственном контроле, закон О Бюро по предотвращению и борьбе с коррупцией, закон «О полиции» и закон О воинской службе.

Г. Земрибо подчеркивает, что судья может не скрывать своей политической позиции. Однако в публичных высказываниях судья всегда должен избегать касаться таких тем, которые ему, возможно, придется оценивать в рамках рассмотрения дел.

Во время судебного заседания Г. Земрибо также выразил уверенность в том, что в настоящее время не следует позволять судьям одновременно являться членами партий. Принимая на себя должностные обязанности судьи, лицо должно сознавать, что они сопряжены не только с правами, но и с известными ограничениями.

12. Приглашенное лицо – **присяжный адвокат Лаурис Лиена** – указывает, что оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции.

12.1. Оспариваемая норма преследует три цели:

1) обеспечить права, закрепленные в первом предложении статьи 92 Конституции, так как нейтралитет судьи, в том числе в отношении политических взглядов, является существенным условием реализации упомянутых прав. Если бы судья являлся членом политической партии, он воспринимался бы как лицо, которое, будучи связанным с позицией политической партии, заинтересовано в принятии соответствующих решений;

2) обеспечить реализацию принципа разделения государственной власти в современном правовом государстве;

3) защитить судей от политизации процесса назначения на должность и утверждения в должности. В Латвии представители политических партий –

министр юстиции, депутаты Саэймы – влияют на порядок назначения судей. Таким образом, участие судьи в политической партии могло бы повлиять на выбор лиц, принимающих решение, и настроить их либо в пользу, либо против утверждения представителя определенной партии в должности судьи.

12.2. Л. Лиэпа считает, что статья 83 Конституции сама по себе не смогла бы предотвратить негативные последствия, которые возникли бы в случае отмены оспариваемой нормы. Участники судебного процесса не имели бы возможности оценивать степень нейтралитета и объективности судьи.

Ограничение прав судьи, устанавливаемое оспариваемой нормой, касается активного прямого участия в деятельности политической партии, не ограничивая при этом свободы убеждений и активного избирательного права судьи.

Участие судьи в решении важных для общества вопросов не является полностью запрещенным, а лишь подчиненным еще более важным интересам общества, то есть обязанности судьи вершить справедливый суд. Одной из причин принятия оспариваемой нормы, по мнению Л. Лиэпы, возможно, было желание отделить деятельность судебной системы от политики.

Во время судебного заседания Л. Лиэпа указал, что политические партии и другие политические организации объединяют индивидуумов со схожими политическими воззрениями для достижения определенных политических целей. Если бы судья был членом партии, но не соблюдал позицию, заявленную партией, его могли бы исключить из партии или применить к нему дисциплинарное наказание. По своему характеру оспариваемая норма прежде всего является этической. Статус судьи в обществе и обязанности, которые он на себя возложил, налагают на него особое бремя, в том числе запрет на ведение деятельности в составе политической партии. Однако Л. Лиэпа считает, что упомянутый запрет, являющийся для судей обязательным, соразмерен.

13. Приглашенное лицо – профессор, руководитель Отделения политологии Факультета социальных наук Латвийского университета Янис Икстенс – указывает, что, несмотря на то, что требования,

содержащиеся в оспариваемой норме, не вполне обеспечивают независимость и объективность судьи, они способствуют принятию вынесенных судьей решений обществом и авторитету суда.

13.1. Разница между политической партией и вторым типом политически мотивированной группы – группы по интересам – заключается в демократической борьбе за власть и стараниях добиться проникновения своих представителей в выборные органы.

С учетом роли судей в разрешении правовых споров важно, чтобы судьи свою работу выполняли по возможности наиболее объективно. В Латвии уровень доверия общества к политическим партиям невысок, а их деятельность оценивается критически. С точки зрения укрепления независимости и объективности судей было бы нецелесообразно позволять судьям принадлежать к политическим партиям. Формальную беспартийность судей следует считать одним из факторов, способствующих принятию судебных решений обществом и повиновению им. В свою очередь то обстоятельство, что судьям запрещено вести деятельность в составах политических партий, усиливает уверенность общества в том, что в основе решений судей не лежат партийные соображения. Я. Икстенс считает, что в Латвии наибольшему риску столкнуться с решением политических вопросов подвержены судьи административных судов, так как им приходится принимать решения о допустимости политически мотивированных мероприятий.

Поддержка общества является одним из краеугольных камней функционирования судов. С учетом специфики деятельности партий и требований, выдвигаемых в отношении их членов, приходится заключить, что участие в партии может поставить под угрозу независимость судей и поддержку судов как органов власти обществом. Таким образом, ограничение, содержащееся в оспариваемой норме, следует считать оправданным.

13.2. Отвод и отклонение судьи представляют собой субъективные механизмы, не могущие обеспечить эффективное достижение цели оспариваемой нормы. Я. Икстенс указывает, что регистры членов партий не являются общедоступной информацией, поэтому у участников процесса судопроизводства не было бы возможности знать, в какой политической

партии состоит судья.

Ограничение, установленное посредством оспариваемой нормы, не относится к остальным политическим проявлениям со стороны судей, например, к голосованию на выборах в Сазьму, Европейский парламент, органы самоуправления, к праву баллотироваться на выборах, участвовать в народном голосовании и выдвижении законодательных инициатив.

Упомянутое мнение Я. Икстенс выразил и во время судебного заседания, дополнительно подчеркнув, что участие судей в политических партиях может поставить под угрозу принцип независимости судов. Если бы судье было позволено принадлежать к политической партии, цели и решения партии являлись бы для него обязательными к исполнению. Основная цель партий заключается в борьбе за власть, однако у них имеется и ряд других функций, например, просвещение общества, и эти функции тесно связаны с упомянутой целью. Я. Икстенс не исключает возможности, что в будущем подобное ограничение может стать излишним.

14. Приглашенное лицо – практикующий в Латвии адвокат из государства-члена Европейского Союза (Германии) Йенс-Кристиан Пастилле (*Jens-Christian Pastille*) – считает, что в настоящее время в демократическом латвийском обществе отсутствует обоснованная социальная необходимость запрещать судьям пользоваться вне их судебной деятельности свободой ассоциаций, гарантируемой статьей 102 Конституции, и становиться членами политических партий.

14.1. Оспариваемая норма преследует две цели: 1) защита интересов каждого отдельного человека, чтобы справедливый суд обеспечивался независимыми и заслуживающими доверия юристами (аспект объективности судей); 2) укрепление представлений каждого отдельного человека о справедливости суда (аспект независимости судебной власти). Оспариваемая норма обеспечивает достижение упомянутых целей эффективным образом. Она создает представление о справедливости суда, однако обе вышеупомянутые цели могут быть достигнуты и при помощи более соразмерных средств. Нет необходимости полностью запрещать судьям объединяться в политические партии вместе с другими лицами. Запрет, содержащийся в оспариваемой норме, можно заменить наложением

ограничений на политическую деятельность судей.

Несмотря на то, что судья может выразить свою политическую позицию и не будучи членом политической партии, рядом прав, предусмотренных законом О политических партий, он мог бы воспользоваться только в случае вступления в политическую партию.

14.2. Регулирование статьи 83 Конституции, а также отвод и отклонение судьи не являются единственными правовыми инструментами, при помощи которых могут быть достигнуты цели оспариваемой нормы. Требование о независимости и объективности судебной власти закреплено в законе О дисциплинарной ответственности судей и в Кодексе судейской этики.

Й. Пастилле указывает, что оспариваемая норма была принята, чтобы предотвратить возможное влияние на судебную власть не только со стороны коммунистической партии, но и со стороны других партий. Главная цель заключалась в создании политически-нейтральной и независимой от политических партий судебной власти в ситуации, когда еще не существовало достаточного правового регулирования и необходимых органов.

Упомянутую позицию Й. Пастилле выразил и на судебном заседании, указав, что запрет на принадлежность судей к политическим партиям не гарантирует объективности и независимости при вершении суда. Упомянутый запрет, с одной стороны, не исключает возможности того, что необъективный судья может тайно вершить суд в соответствии с целями определенной партии, а с другой стороны – лишает честного судью возможности участвовать в политической жизни общества. Й. Пастилле подчеркивает: чем более абстрактна цель ограничения, тем убедительнее оно должно выдерживать проверку на соразмерность.

В данном случае абсолютное ограничение основных прав оправдывается надеждой на то, что оно создаст у общества впечатление о независимости судебной власти. Й. Пастилле считает, что более щадящими следовало бы признать такие средства, которые заставляли бы судью соблюдать нейтралитет в публичных высказываниях, не позволяли бы ему участвовать в активной предвыборной борьбе и выступать в качестве кандидата на политические должности, но не запрещали бы ему являться

членом политической партии.

Часть выводов

15. Саэйма считает, что судопроизводство по делу следует прекратить. Заявитель не указал момент возникновения ущемления его основных прав, закрепленных в статье 102 Конституции, а также не представил доказательств, свидетельствующих о существовании такого ущемления. Таким образом, наличествуют сомнения в соблюдении Заявителем срока подачи конституционной жалобы, установленного во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде, составляющего шесть месяцев с момента ущемления основных прав (*см. стр. 20 тома 1 материалов дела*).

Если представлены аргументы, обосновывающие прекращение судопроизводства по делу, Конституционный суд должен их рассмотреть (*см. пункт 11 решения Конституционного суда от 19 октября 2011 года по делу № 2010-71-01*).

16. Согласно пункту 11 части первой статьи 17 закона О Конституционном суде лицо может подать заявление о возбуждении дела, предусмотренного пунктом 1 статьи 16 закона О Конституционном суде (о соответствии закона Конституции), в случае ущемления предоставленных лицу основных прав, то есть как конституционную жалобу. Часть первая статьи 19² закона О Конституционном суде гласит, что «конституционную жалобу (заявление) в Конституционный суд может подать любое лицо, которое считает, что его основные права, определенные в Конституции, ущемляются правовой нормой, которая не соответствует правовой норме высшей юридической силы», а пункт 1 части шестой требует обосновать факт ущемления основных прав, предоставляемых заявителю Конституцией.

16.1. Конституционный суд ранее уже указывал, что «согласно части первой и пункту 1 части шестой статьи 19² закона О Конституционном суде в случае подачи конституционной жалобы важно выяснить, действительно ли имело место ущемление основных прав заявителя, закрепленных в

Конституции» (пункт 9 решения Конституционного суда от 15 апреля 2009 года по делу № 2008-36-01).

В свою очередь второе предложение части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде гласит: в случае невозможности защиты основных прав, закрепленных в Конституции, при помощи общих средств защиты права конституционную жалобу (заявление) в Конституционный суд можно подать в течение шести месяцев с момента ущемления основных прав.

Согласно пункту 3 части первой статьи 29 закона О Конституционном суде судопроизводство по делу можно прекратить до оглашения решения решением Конституционного суда, если Конституционным судом констатируется, что решение о возбуждении дела не соответствует требованиям части пятой статьи 20 настоящего закона. То есть если констатируется, что: 1) дело не подсудно Конституционному суду; 2) заявитель не вправе подать заявление; 3) заявление не соответствует требованиям статей 18 или 19 – 19³ настоящего закона; 4) заявление подано по требованию, по которому уже вынесено решение; 5) содержащееся в заявлении юридическое обоснование или изложение фактических обстоятельств дела в сущности не изменилось по сравнению с предыдущим заявлением, в отношении которого коллегией уже было принято решение.

16.2. В рассматриваемом деле отсутствует спор о подсудности дела Конституционному суду.

Не оспаривается и то, что Заявитель, будучи физическим лицом, вправе подать заявление в Конституционный суд, если соблюдены требования, применимые к конституционным жалобам. Однако Саэйма считает, что упомянутые требования – предоставление обоснования факта ущемления основных прав и момента возникновения такого ущемления – не были соблюдены Заявителем. Таким образом, Конституционному суду необходимо убедиться в том, что заявление соответствует требованиям, предъявляемым в отношении конституционных жалоб законом О Конституционном суде.

16.3. Для того, чтобы Конституционный суд рассмотрел дело на основании конституционной жалобы, заявитель должен обосновать следующее:

1) оспариваемая норма относится к таким правам заявителя, которые входят в сферу действия основных прав, определенных в Конституции;

2) имеет место ущемление основных прав именно в отношении заявителя;

3) соблюдены требования в отношении защиты прав при помощи общих средств защиты прав, при помощи таких средств невозможно устранить существенный урон, нанесенный заявителю, или не существует средств, при помощи которых заявитель мог бы защитить свои права, или конституционная жалоба имеет всеобщее значение;

4) соблюдены сроки, определенные в законе О Конституционном суде.

В судебной практике Конституционного суда закреплён вывод о том, что «для Конституционного суда на стадии подготовки решения юридическое обоснование заявителя не является обязательным, и суд должен оценивать всю общность обстоятельств, которая выяснена в ходе рассмотрения дела» (*пункт 2.3 решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03*).

16.4. Выясняя, подлежит ли продолжению судопроизводство по рассматриваемому делу, Конституционный суд должен оценить следующее:

1) относится ли оспариваемая норма к правам Заявителя, установленным статьей 102 Конституции;

2) имеет ли место прямое и конкретное ущемление основных прав Заявителя;

3) соблюдены ли требования закона в отношении использования общих средств защиты прав и срока подачи конституционной жалобы.

17. Рассматривая вопрос о том, относится ли оспариваемая норма к основным правам Заявителя, закрепленным в статье 102 Конституции, Конституционный суд должен выяснить сферу действия упомянутых прав.

Статья 102 Конституции гласит: «Каждый имеет право объединяться в общества, политические партии и другие общественные организации».

Конституционный суд признал, что свобода ассоциаций является одним из самых существенных политических прав лица (*см. пункт 7 решения Конституционного суда от 23 ноября 2006 года по делу № 2006-03-0106*). Упомянутая свобода – одно из обязательных условий существования демократического государственного строя. Свобода ассоциаций обеспечивает лицам возможность защищать свои правовые интересы и объединяться для

достижения общих целей. Благодаря реализации основных прав, определенных в статье 102 Конституции, лица получают возможность участвовать в демократических процессах.

Заявитель просит оценить соответствие оспариваемой нормы словам «каждый имеет право объединяться в политические партии» статьи 102 Конституции. Заявитель не указал, что оспариваемая норма запрещает судьям участвовать в обществах и других общественных организациях (см. стр. 13 – 14 тома 3 материалов дела).

Поэтому прежде всего Конституционный суд выяснит содержание прав каждого человека объединяться в политические партии.

18. Статья 89 Конституции гласит, что государство признает и защищает основные права человека согласно Конституции, законам и обязательным для Латвии международным договорам.

18.1. Конституционный суд ранее уже признал, что законодатель не имел намерения противопоставлять нормы Конституции нормам международного права (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 30 августа 2000 года по делу № 2000-03-01). Из статьи 89 Конституции следует, что цель законодателя заключалась в обеспечении гармонии между нормами прав человека, содержащимися в Конституции, и нормами международного права. Обязательные для Латвии международные нормы по правам человека и практика их применения на уровне конституционного права служат средством интерпретации при установлении содержания и объема основных прав и принципа правового государства постольку, поскольку они не приводят к сокращению или ограничению содержащихся в Конституции основных прав (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года о делу № 2004-18-0106).

18.2. Часть первая статьи 11 Конвенции определяет право каждого человека на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. В свою очередь в части второй упомянутой статьи указано, что осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в

демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Однако статья 11 Конвенции не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

18.3. Роль политических партий в демократическом государстве рассмотрена в юдикатуре ЕСПЧ. Например, ЕСПЧ признал, что партии обеспечивают многообразие мнений, имеющее особое значение в демократическом обществе [см. пункт 44 решения ЕСПЧ от 3 февраля 2005 года по делу «*Partidul Comunistilor (Nepeceristi) and Ungureanu v. Romania*», заявление № 46626/99]. Политические партии являются одной из форм свободы ассоциаций, имеющей особо важное значение для функционирования демократии (см. пункт 25 решения ЕСПЧ от 30 января 1998 года по делу «*United Communist Party of Turkey and others v. Turkey*», заявление № 19392/92). В свою очередь то, каким образом национальные правовые акты регулируют свободу ассоциаций и как эта свобода осуществляется на практике, является показателем уровня демократии в конкретном государстве (см. пункт 40 решения ЕСПЧ от 10 июля 1998 года по делу «*Sidiropoulus and Others v. Greece*», заявление № 26695/95).

Таким образом, право каждого человека объединяться в политические партии является существенным условием существования демократического государственного строя.

19. Конституция не содержит определения понятия «политическая партия». Определение политической партии включено в закон О политических партиях, принятый Саэймой 22 июня 2006 года.

Часть первая статьи 2 закона О политических партиях определяет следующее: политическая партия – это организация, которая создана, чтобы вести политическую деятельность, участвовать в предвыборных кампаниях, выдвигать кандидатов в депутаты, участвовать в работе Саэймы, дум (советов) самоуправления, Европейского парламента, осуществлять при

посредничестве депутатов программу партии, а также участвовать в создании органов государственного управления.

Функции политических партий также рассматриваются в международных документах, носящих рекомендательный характер и принятых с целью предоставления государствам поддержки в области законодательства и применения права. Политическая партия – это объединение, цель которого заключается в выражении политической воли граждан. Задача политической партии – участвовать в политических процессах и, самое главное, выдвигать своих кандидатов на выборах, чтобы партия была представлена в политических органах и могла осуществлять политическую власть. Одна из важнейших функций политической партии – разработка программы, так как именно программа определяет деятельность партии [см., например, пункт 3 *Руководящих принципов правового регулирования деятельности политических партий Европейской Комиссии за демократию через право при Совете Европы (Венецианской комиссии)* и пункты 10, 15, 45, 46 и 49 *Кодекса добросовестной практики политических партий Европейской Комиссии за демократию через право при Совете Европы (Венецианской комиссии)*].

То есть политическая партия представляет собой объединение лиц со схожими политическими взглядами, которое имеет определенную идеологию и главная цель которого заключается в получении политической власти и ее осуществлении в государстве согласно целям и принципам, значащимся в программе партии.

Общая регламентация прав и обязанностей членов партий содержится в статье 29 закона О политических партиях, например, право на участие в принятии решений, право избирать руководство и другие органы партии, а также свободно выражать свое мнение. Устав партии может предусматривать и другие права и обязанности членов партии, если они не противоречат упомянутому закону.

Объединение лиц в политическую партию – это участие лиц в организации, главная цель которой заключается в получении политической власти.

20. Заявитель считает, что оспариваемая норма, устанавливающая общий запрет, не позволяющий судьям принадлежать к партиям и другим политическим организациям, противоречит праву лиц объединяться в политические партии, закрепленному в статье 102 Конституции.

В оспариваемой норме упомянуты не только партии, но и «другие политические организации». Содержание понятия «политическая организация» законодатель пояснил в статье 4 закона О порядке вступления в силу закона О политических партиях: термин «политическая партия», используемый в законе О политических партиях, соответствует термину «политическая организация (партия)», используемому в других нормативных актах.

В своей конституционной жалобе Заявитель подчеркивает свое желание стать членом политической партии. Во время судебного заседания Заявитель указал, что понятия «политическая партия» и «политическая организация» признаются им как идентичные по своему содержанию (*см. стр. 8 тома 3 материалов дела*). Таким образом, в деле наличествует спор об обязательном для Заявителя запрете являться членом политической партии.

В статье 102 Конституции указано, что каждый имеет право объединяться в политические партии. В свою очередь оспариваемая норма *expressis verbis* запрещает лицам, занимающим должность судьи, принадлежать к политическим партиям.

Таким образом, право Заявителя, ущемленное оспариваемой нормой, входит в сферу действия статьи 102 Конституции.

21. Конституционный суд ранее уже заключал, что конституционная жалоба может подаваться в случаях, когда, во-первых, имеет место прямое, конкретное ущемление основных прав, оспариваемая норма касается непосредственно самого Заявителя, и, во-вторых, когда она касается его в момент подачи заявления, то есть, когда ущемление основных прав уже имеет место (*см., например, пункт 12 решения Конституционного суда от 18 февраля 2010 года по делу № 2009-74-01 и решение от 11 ноября 2002 года о прекращении судопроизводства по делу № 2002-07-01*) или же когда существует совокупность обстоятельств, требующих, чтобы дело было рассмотрено «в настоящий момент» (*см., например, пункт 2.4 части выводов*

решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03).

Ущемление основных прав может быть ожидаемым в будущем или потенциальным, однако должна существовать обоснованная и правдоподобная вероятность, что применение нормы права создаст неблагоприятные последствия для лица, подающего конституционную жалобу (*см. пункт 12.1 решения Конституционного суда от 18 февраля 2010 года по делу № 2009-74-01*).

21.1. Обычно ущемление основных прав лица имеет место в случае, если норма права, которую лицо считает не соответствующей нормам права высшей юридической силы, была к нему применена. В таком случае для констатации ущемления основных прав необходим акт применения нормы права, создающий неблагоприятные для лица последствия.

Несмотря на то, что закон О Конституционном суде требует, чтобы оспариваемый акт (норма) ущемлял основные права заявителя, он не требует, чтобы это обязательно происходило через применение соответствующего акта к заявителю (*см. пункт 2.4 части выводов решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03*). Таким образом, ущемление основных прав может быть констатировано, если существует совокупность обстоятельств, позволяющая Конституционному суду убедиться в существовании ущемления.

21.2. Рассматривая конституционную жалобу и принимая решение о возбуждении дела, коллегия Конституционного суда оценивает соответствие конституционной жалобы требованиям закона О Конституционном суде. Помимо прочего, коллегия убеждается в том, что заявитель обосновал ущемление своих основных прав. В свою очередь суд в ходе рассмотрения дела проверяет наличие ущемления с учетом собранных в деле материалов и мнений (*см., например, пункт 18 решения Конституционного суда от 8 ноября 2012 года о прекращении судопроизводства по делу № 2012-04-03*).

Поэтому Конституционный суд выяснит, создает ли регулирование, предусматриваемое оспариваемой нормой, такие последствия для Заявителя, которые в контексте статьи 19² закона О Конституционном суде следовало бы считать ущемлением основных прав, закрепленных в статье 102 Конституции.

22. В деле нет разногласий о том, что оспариваемая норма не была применена к Заявителю. Таким образом, необходимо оценить, имеет ли место такая совокупность обстоятельств, которая позволила бы Конституционному суду убедиться в существовании ущемления.

Ранее Конституционный суд уже признавал наличие ущемления основных прав заявителей конституционных жалоб и рассматривал дела по существу в нескольких случаях, когда оспариваемые нормы еще не были применены в отношении соответствующих лиц актом применения нормы права (см., например, решение Конституционного суда от 20 мая 2002 года по делу № 2002-01-03, решение от 29 октября 2003 года по делу № 2003-05-01 и решение от 22 февраля 2010 года по делу № 2009-45-01).

ЕСПЧ также признал, что закон может ущемлять права заявителя сам по себе, то есть лицо может чувствовать на себе влияние или последствия закона, даже если закон к нему не был применен. В определенных случаях при существовании соответствующих обстоятельств индивидуум может считать себя жертвой в контексте Конвенции только по той причине, что закон содержит ту или иную норму права, и он не должен доказывать, что такая норма непосредственно применяется по отношению к нему (см. решение Первого департамента ЕСПЧ от 6 марта 2003 года по делу «Жданок против Латвии», заявление № 58278/00). Угроза будущего ущемления может служить достаточным основанием для признания лица жертвой в контексте Конвенции, однако такая угроза должна быть реальной (см. *Gomien D., Harris D., Zwaak. L. Law and practice of the European Convention on Human Rights and the European Social Charter. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 1996, p. 44*).

Таким образом, в определенных случаях лицо может подать конституционную жалобу касательно такой неблагоприятной для него нормы права, которая, не будучи до сих пор примененной к соответствующему лицу, относится к нему прямым и непосредственным образом.

22.1. В случаях, когда ущемление основных прав заявителя не связано с актом применения права, прежде всего необходимо оценить, возникло ли соответствующее ущемление применительно к самому заявителю.

Конституционный суд ранее уже признавал, что понятие «ущемления» включено в закон с целью разграничения конституционной жалобы и жалобы на общую пользу. Оно требует, чтобы существовала обоснованная вероятность того, что оспариваемая норма может создать ущемление прав заявителя (см. пункт 2.4 части выводов решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03).

Чтобы отличить случаи, когда лицо подает конституционную жалобу с целью защиты своих прав, от случаев, когда оно делает это для общей пользы, например, ради защиты прав других лиц или достижения политических, научных и прочих целей, недостаточно констатировать, что лицо принадлежит к группе, к которой относится оспариваемая норма. Лицо должно представить правдоподобное обоснование тому, что неблагоприятные последствия, вызванные нормой права, создают ущемление его основных прав.

Должность судьи Заявитель избрал добровольно в обстоятельствах, когда оспариваемая норма действовала уже в течение долгого времени. Поэтому Заявитель должен обосновать, в какой момент и почему он начал воспринимать запрет, содержащийся в оспариваемой норме, как ущемление своих прав.

22.2. Заявитель считает, что уже само существование действующей оспариваемой нормы ущемляет его основные права. Во время судебного заседания Заявитель подчеркнул свое желание стать членом политической партии. Однако предоставленное Заявителем обоснование момента ущемления его основных прав противоречиво. В конституционной жалобе указано, что ущемление, причиненное оспариваемой нормой, носит постоянный и длительный характер, а момент его возникновения не поддается определению. Вместе с тем Заявитель указывает, что желание вступить в политическую партию возникло у него не в декабре 2007 года при вступлении в должность судьи, а позднее, когда он готовил заявление в Конституционный суд. И, наконец, во время судебного заседания Заявитель выразил мнение, что моментом возникновения ущемления основных прав следует считать 4 июля 2012 года, когда он подал конституционную жалобу в Конституционный суд (см. стр. 1 – 3, 142 – 143 тома 1; стр. 3 – 22, 104 – 108 тома 3 материалов дела).

В свою очередь Сазыма считает, что Заявитель не обосновал момент, начиная с которого его основные права подверглись ущемлению. Не было представлено основанных на проверяемых фактах доказательств тому, что ущемление возникло при подготовке и подаче конституционной жалобы в Конституционный суд. Поэтому невозможно констатировать, был ли соблюден шестимесячный срок подачи конституционной жалобы, определенный во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде (см. стр. 19 – 20 тома 1; стр. 22 – 28, 112 – 115 тома 3 материалов дела).

22.3. В случае, если у лица нет возможности защитить свои права при помощи общих средств защиты прав, шестимесячный срок, определенный во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде, начинается с момента возникновения ущемления основных прав. То есть лицо не может подать конституционную жалобу в Конституционный суд, если с момента возникновения ущемления прав прошло более шести месяцев.

Главная цель упомянутого срока – обеспечить правовую стабильность и защитить правовое доверие других лиц. С течением времени права, полученные другими лицами, могут стать важнее неблагоприятных последствий, причиненных заявителю конституционной жалобой оспариваемой нормой. Упомянутый срок установлен еще и для того, чтобы лица обращались в Конституционный суд только в случае реального ущемления их основных прав. Еще до того, как часть четвертая статьи 19² закона О Конституционном суде была дополнена вторым предложением, в практике Конституционного суда был закреплен следующий вывод: «[...] чем дольше лицо терпит ущемление своих прав, тем оно меньше заинтересовано в защите своих конституционных прав» (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 26 ноября 2002 года по делу № 2002-09-01). Предусмотрев во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде шестимесячный срок, законодатель презюмировал, что в случае, когда оспариваемая норма (акт) создает существенное ущемление основных прав лица, оно незамедлительно обратится в Конституционный суд. Если же лицо не сделало этого в течение шести месяцев с момента возникновения ущемления прав, такое ущемление

вероятнее всего не является существенным.

Таким образом, констатация момента возникновения ущемления не должна быть формальной и ограничиваться указанием определенной даты. Если лицо не указало объективные и подлежащие проверке факты, характеризующие ущемление и позволяющие констатировать момент его возникновения, субъективное мнение лица не является достаточным основанием для констатации ущемления основных прав.

Как уже указывалось ранее, возможное ущемление основных прав Заявителя не возникло в результате применения оспариваемой нормы. Однако Заявитель не представил убедительных аргументов в пользу того, что какое-либо конкретное событие в период времени с момента вступления Заявителя в должность судьи до момента подачи конституционной жалобы создало ущемление его основных прав, закрепленных в статье 102 Конституции. В свою очередь обращение в Конституционный суд с целью защиты ущемленных основных прав следует признать не моментом возникновения ущемления основных прав, а средством его устранения.

Таким образом, мнение Заявителя о том, что подготовка и подача конституционной жалобы в Конституционный суд является моментом возникновения ущемления его основных прав, необоснованно.

22.4. Если норма права, которая, возможно, ущемляет основные права лица, закрепленные в Конституции, к лицу не применена, может сформироваться несколько ситуаций.

Во-первых, неблагоприятные последствия, проистекающие из нормы права, могут существовать независимо от действий самого лица, при этом у лица нет возможности добиться применения нормы посредством действий, противоположных требованиям нормы. То есть норма права не дает лицу возможности получить определенный правовой статус, осуществить определенные права или же предусматривает неравное отношение к лицу (см. решение Конституционного суда от 15 июня 2006 года по делу № 2005-13-0106). В таком случае возможное ущемление основных прав возникает уже в момент вступления нормы права в силу и тогда же начинается отсчет шестимесячного срока, определенного во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде. В случае несоблюдения лицом указанного срока, оно утрачивает право обратиться в

Конституционный суд.

Во-вторых, норма права может устанавливать запрет или другие императивные требования, за нарушение которых государство предусмотрело для лица существенные неблагоприятные последствия. У лица имеется возможность добиться применения такой нормы посредством действий, противоположных регулированию, установленному ею. Только после осуществления таких действий издается акт применения нормы права, причиняющий лицу неблагоприятные последствия. То есть неблагоприятные последствия могут наступить в будущем.

Если закон предусматривает в отношении заявителя существенные неблагоприятные последствия за нарушение установленного нормой права запрета, такая ситуация при определенных обстоятельствах признается потенциальным или ожидаемым в будущем ущемлением основных прав, к которому не относится шестимесячный срок подачи конституционной жалобы, установленный во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде.

23. В практике Конституционного суда существует заключение о том, что ущемление основных прав может быть потенциальным или ожидаемым в будущем (*см. пункт 2.4 части выводов решения Конституционного суда от 22 февраля 2002 года по делу № 2001-06-03 и решение от 20 мая 2002 года по делу № 2002-01-03*).

Согласно существующему в юриспруденции мнению в случае будущего ущемления прав лица ясно видно, что рано или поздно таковое неизбежно произойдет. В свою очередь в случае потенциального ущемления можно усмотреть лишь вероятность или возможность того, что при реализации оспариваемой нормы права будут ущемлены права конкретного лица. Такая вероятность столь же велика, как и вероятность того, что оспариваемая норма права не повлияет на правовые отношения лица (*см.: Rodiņa A. Konstitucionālās sūdzības teorija un prakse Latvijā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2009, сmp. 161 – 168*).

23.1. Конституционный суд признаёт, что ущемление основных прав Заявителя, предусмотренных статьей 102 Конституции, потенциально может возникнуть в случае применения к Заявителю оспариваемой нормы,

содержащей императивный запрет, не позволяющий судье являться членом политической партии.

Согласно пункту 5 части первой статьи 1 закона О дисциплинарной ответственности судей отказ судьи положить конец своей принадлежности к партиям или политическим организациям является основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Если бы Заявитель, будучи судьей, вступил в политическую партию или продолжил деятельность в ней, он был бы привлечен к дисциплинарной ответственности.

Согласно пункту 3 части второй статьи 7 закона О дисциплинарной ответственности судей Дисциплинарная коллегия судей может принять решение инициировать отстранение судьи от должности. Согласно нормам закона О дисциплинарной ответственности судей судья может обжаловать такое решение в Дисциплинарном суде, в свою очередь решение Дисциплинарного суда вступает в силу в момент оглашения и обжалованию не подлежит. Если такое решение является неблагоприятным для Заявителя, вопрос о его отстранении от должности судьи передается на голосование в Сазйму.

В пункте 20 настоящего решения уже указывалось, что оспариваемая норма предусматривает запрет общего и императивного характера, являющийся обязательным для всех судей. Поэтому если Заявитель вступит в политическую партию, ему придется считаться с отстранением от должности судьи, что является наиболее тяжким видом дисциплинарной ответственности. Это означало бы наступление существенных неблагоприятных последствий для Заявителя.

Таким образом, прямое, конкретное и уже существующее ущемление основных прав Заявителя возможно единственно в случае применения оспариваемой нормы. Такого ущемления в отношении Заявителя нет, но оно потенциально может возникнуть в будущем. Следовательно, в рассматриваемом деле можно констатировать потенциальное ущемление основных прав Заявителя.

23.2. Заявитель указывает, что применения оспариваемой нормы он мог бы добиться исключительно путем нарушения закона. Как Заявитель, так и Сазйма признали, что Заявителю не нужно нарушать закон только для того, чтобы он мог подать конституционную жалобу (*см. стр. 16 – 17, 142 – 143*

тома 1 материалов дела). В юриспруденции признано, что противоправные действия не могут являться легитимным критерием выполнения условий подачи конституционной жалобы (см.: *Rodiņa A. Konstitucionālās sūdzības teorija un prakse Latvijā. Rīga: Latvijas Vēstnesis, 2009, cмр. 161*). Можно согласиться с тем, что в рассматриваемом деле нет оснований требовать, чтобы Заявитель нарушил запрет, установленный оспариваемой нормой, только для того, чтобы получить право обратиться в Конституционный суд с целью защиты своих основных прав.

Вместе с тем Конституционный суд указывает: запрет или императивное требование, содержащееся в норме права, еще не дает достаточных оснований считать, что ущемление основных прав потенциально возникнет в будущем, и признать за лицом право подать конституционную жалобу. Потенциальное ущемление основных прав может являться основанием для возбуждения дела и его рассмотрения по существу только в тех случаях, когда предусмотренные законом неблагоприятные последствия, которые возникли бы у лица в случае применения нормы права, нанесли бы ему существенный ущерб. В каждом индивидуальном случае Конституционный суд или коллегия Конституционного суда констатируют наличие такого ущемления прав и выясняют, имеются ли основания для возбуждения дела и рассмотрения требования лица по существу.

23.3. В решении о возбуждении рассматриваемого дела коллегия Конституционного суда признала, что у Заявителя нет возможности защитить свои основные права при помощи общих средств защиты прав (см. *стр. 6 – 7 тома 1 материалов дела*). Следовательно, потенциальное ущемление основных прав Заявителя может устранить только Конституционный суд, рассмотрев поданную Заявителем конституционную жалобу.

Требование, рассматриваемое в данном деле, представляет собой случай, к которому неприменимо содержащееся во втором предложении части четвертой статьи 19² закона О Конституционном суде требование о том, что при подаче конституционной жалобы должен соблюдаться шестимесячный срок с момента возникновения ущемления основных прав.

Следовательно, судопроизводство по делу подлежит продолжению.

24. Статья 102 Конституции не конкретизирует круг лиц, имеющих

право объединяться в политические партии, а, напротив, предусматривает такое право для каждого человека. В свою очередь оспариваемая норма устанавливает для всех лиц, занимающих должность судьи, общий запрет на принадлежность к партиям и другим политическим организациям. Заявитель был утвержден Сазьмой в должности судьи Верховного суда 13 декабря 2007 года.

Следовательно, оспариваемая норма ограничивает право Заявителя объединяться в политические партии, закрепленное в статье 102 Конституции.

25. Существование тесной связи между принципом демократии и основными правами означает, что государство должно не ограничивать основные права, а «по возможности гарантировать их в наиболее широком объеме, соответственно используя доступные методы интерпретации таким образом, чтобы они обеспечивали достаточно широкое применение содержания нормы права» (*Ziemele I. Cilvēktiesību īstenošana Latvijā: tiesa un administratīvais process. Rīga: Latvijas Universitātes Cilvēktiesību institūts, 1998, стр. 25*).

Законодатель может ограничивать свободу ассоциаций, в том числе право каждого человека объединяться в политические партии. Таким образом государство обеспечивает пользование соответствующими основными правами, а также защищает права других лиц и прочие конституционные ценности. Соответствующие ограничения в основном включены в закон О политических партиях, однако регулирование упомянутого закона не является исчерпывающим. Например, запрет, не позволяющий судьям принадлежать к политическим партиям и другим политическим организациям, включен в оспариваемую норму, то есть в закон «О судебной власти».

Вместе с тем произвольное ограничение основных прав недопустимо. Статья 116 Конституции *expressis verbis* определяет, что основные права, закрепленные в статье 102 Конституции, могут подвергаться ограничениям в случаях, предусмотренных законом, с целью защиты прав других лиц, демократического государственного строя, национальной безопасности, общественного благополучия и нравственности. Следовательно, основные

права, определенные в статье 102 Конституции, в том числе право объединяться в политические партии, не являются абсолютными и могут ограничиваться государством.

Ограничение свободы ассоциаций допустимо, если оно: 1) установлено законом; 2) оправдано легитимной целью; 3) пропорционально, т.е. соразмерно этой цели.

26. Ограничение, содержащееся в оспариваемой норме, установлено законом. В деле нет материалов, которые могли бы поставить под сомнение, что оспариваемая норма была принята и провозглашена в надлежащем процессуальном порядке.

Следовательно, ограничение основных прав, определенных в статье 102 Конституции, установлено законом.

27. В основе любого ограничения основных прав должны лежать обстоятельства и аргументы, объясняющие, почему ограничение необходимо, то есть ограничение устанавливается во имя важных интересов – легитимной цели (*см., например, пункт 9 решения Конституционного суда от 22 декабря 2005 года по делу № 2005-19-01*).

Заявитель считает, что легитимная цель оспариваемой нормы заключается в обеспечении независимости судьи, то есть его нейтралитета и объективности. По мнению Заявителя, посредством оспариваемой нормы законодатель желал устранить влияние коммунистической партии на судебную власть (*см. стр. 2 тома 1 материалов дела*).

В свою очередь Сазйма указывает, что ограничение, установленное в оспариваемой норме, сформулировано самой судебной властью. Таким образом, оспариваемая норма в сущности является правилом профессиональной судейской этики, а ее легитимная цель заключается в защите демократического государственного строя (*см. стр. 14 – 15 тома 1 материалов дел*).

В пункт 6 решения № 1 «О независимости судов Латвийской Республики» пленума Верховного суда Латвийской Республики от 11 марта 1991 года было включено требование, гласящее, что «согласно закону судья не может являться членом партии или другой политически-общественной

организации». Следовательно, запрет на ведение деятельности в составах партий и других политических организаций с самого начала связывался с необходимостью определить тот минимум гарантий, который обеспечил бы независимость и объективность суда.

Ограничение, содержащееся в оспариваемой норме, помогает обеспечить справедливость, независимость и объективность судебной власти. Оспариваемая норма способствует доверию общества к судебной власти, что существенно в условиях демократического правового государства.

Легитимная цель оспариваемой нормы заключается в защите демократического государственного строя и прав других лиц.

28. Чтобы оценить соразмерность ограничения основных прав, необходимо выяснить следующее:

1) пригодны ли выбранные средства для достижения легитимной цели;
2) не существуют ли средства, в меньшей степени ограничивающие основные права лиц (более щадящие средства);

3) превышает ли польза, извлекаемая обществом, ущерб, наносимый правам и законным интересам индивидуума (*см., например, пункт 23 решения Конституционного суда от 30 марта 2011 года по делу № 2010-60-01*).

29. Несколько приглашенных лиц подчеркнуло, что в государстве должно существовать такое нормативное регулирование, которое не только обеспечивает объективность и независимость при рассмотрении дел судебной властью, но и создает соответствующую уверенность у общества (*см. стр. 60 73, 80 – 108 тома 1; стр. 39 – 103 тома 3 материалов дела*).

В свою очередь Заявитель, а также приглашенное лицо Й. Пастилле указали, что влияние политической партии на судебную власть может быть косвенным. Например, в определенных случаях мнение судьи может совпадать с программой одной из политических партий. Таким образом, общество было бы заинтересовано в том, чтобы знать о существовании такого мнения судьи до рассмотрения дела в суде (*см. стр. 3 – 22, 90 – 102 тома 3 материалов дела*).

29.1. На основании материалов дела можно констатировать, что предложения по концепции закона Латвийской Республики «О судебном устройстве» были собраны и обобщены еще в 1990 году (см. стр. 154 тома 1 материалов дела), когда Верховный совет Латвийской Республики еще не принял решение «О прекращении деятельности некоторых общественных и общественно-политических организаций», предусматривавшее среди прочего и прекращение деятельности коммунистической партии. Из материалов разработки законопроекта «О судебной власти» и мнения приглашенного лица Г. Земрибо можно заключить, что оспариваемая норма была принята с целью недопущения будущей политизации судов, а не только лишь для того, чтобы устранить влияние коммунистической партии на судебную власть (см. стр. 67 – 75 тома 3 материалов дела). Следовательно, оспариваемая норма была разработана и принята с целью создания такого нормативного регулирования, которое и в будущем способствовало бы доверию общества к независимой и объективной судебной власти.

29.2. В свое время Конституционный суд признал, что один из принципов демократического государства – принцип правомерности. Только независимая судебная власть может обеспечить справедливый результат судебного процесса, лежащий в основе правомерности. В обеспечении независимости судей заинтересовано каждое лицо, в отношении которого совершается суд (см. пункт 7.2 решения Конституционного суда от 18 января 2010 года по делу № 2009-11-01). В преамбуле к Бангалорским принципам Экономический и социальный совет ООН указал следующее: чтобы суды могли выполнять свою задачу в сфере защиты конституционного государственного строя и защиты правомерности, важна компетентная, независимая и справедливая судебная власть (см. *Bangalore Principles of Judicial Conduct*, 29 April, 2003, *United Nations Commission on Human Rights resolution 2003/43, Preamble*).

Одним из Бангалорских принципов является принцип соблюдения этических норм (*propriety*), распространяющийся на все действия судьи. Судья должен не только соблюдать упомянутый принцип, но и создавать в других лицах уверенность в его соблюдении. Принцип соблюдения этических норм допускает, что судья может являться членом других официальных органов или правительственных комиссий при условии, что

такая деятельность совместима с политическим нейтралитетом судьи (см. *Bangalore Principles on Judicial Conduct, Value 4, 4.11*).

Существенной для должности судьи является способность к объективному рассмотрению споров в рамках судопроизводства. Баланс между свободой судьи выражать свои взгляды и высказываться по значительным для общества вопросам, с одной стороны, и требованием о соблюдении нейтралитета, с другой стороны, каждое государство определяет по своему усмотрению. Однако даже в том случае, если в каком-либо государстве судьям разрешено вести деятельность в составе политических партий или вступать в дебаты по поводу существенных для общества вопросов, судья должен воздерживаться от такой политической деятельности, которая могла бы угрожать его независимости или уверенности других лиц в нейтралитете судьи (см. *Commentary on the Bangalore principles of Judicial conduct, September 2007, p. 16, 95 – 96, http://www.unodc.org/documents/corruption/publications_unodc_commentary-e.pdf*).

29.3. В канонах 2 и 5 Кодекса судейской этики Латвии также содержатся требования, направленные на укрепление нейтралитета судьи. Согласно нормам упомянутого этического кодекса судья не должен допускать, чтобы политические отношения влияли на его действия во время осуществления правосудия, кроме того, судья и кандидат в судьи должны воздерживаться от политической деятельности.

Можно согласиться с тем, что у судей имеются собственные взгляды и убеждения в отношении политических процессов, протекающих в обществе. Возможны ситуации, когда личные взгляды судьи соответствуют идеям, выражаемым определенной политической партией. Однако подобное совпадение мнений не должно влиять на способность судьи объективно и независимо рассматривать дела, находящиеся в судопроизводстве, а также принимать обоснованные и справедливые решения в соответствии с фактическими обстоятельствами каждого конкретного дела. Принимая во внимание специфику своей должности и связанный с ней высокий уровень ответственности, судья должен быть способен во время осуществления правосудия отделять свои политические взгляды от справедливого и объективного рассмотрения дела.

Запрет, содержащийся в оспариваемой норме, обязателен для всех судей Латвийской Республики. Вместе с тем он защищает судей от возможного вмешательства политических партий в процесс совершения правосудия. Оспариваемая норма не допускает возможности связи судьи с какой-либо политической партией. Это означает, что судья не подчиняется дисциплине политической партии и не должен соблюдать программу партии. Таким образом, оспариваемая норма формирует доверие общества в отношении того, что судья не представляет мнение какой-либо политической партии. Она помогает предотвратить случаи возникновения сомнений в способности судей объективно и независимо совершать суд.

Следовательно, оспариваемая норма пригодна для достижения легитимной цели.

30. Конституционный суд ранее неоднократно признавал, что он не должен рассматривать вопрос о том, в какой мере альтернативные средства были бы или не были бы более подходящими для разрешения ситуации (см., например, пункт 15.8 решения Конституционного суда от 8 марта 2006 года по делу № 2005-16-01 и пункт 22 решения от 13 февраля 2009 года по делу № 2008-34-01). Однако в компетенцию Конституционного суда входит проверка того, была ли в ходе установления ограничения основных прав лица надлежащим образом рассмотрена возможность применения альтернативных средств, при помощи которых могла бы быть достигнута та же самая цель, но при этом основные права лица, гарантированные Конституцией, ущемлялись бы в меньшей степени.

30.1. В заявлении упомянуты средства, при помощи которых законодатель, по мнению Заявителя, уже обеспечил достижение легитимной цели оспариваемой нормы. Таким средством является отвод и отклонение судьи (см. стр. 3 тома I материалов дела).

ЕСПЧ признал, что недостаточная независимость и объективность судьи может быть констатирована не только в том случае, если она доказана, но и в случае, если могут возникнуть обоснованные сомнения насчет независимости и объективности судьи (см. решение ЕСПЧ от 17 января 1970 года по делу «*Delcourt v. Belgium*», заявление № 2689/65).

Рассеять обоснованные разумные сомнения в способности судьи к

объективному рассмотрению дела помогают отвод или отклонение судьи. Упомянутые процессуальные средства направлены на предотвращение возможных конфликтов интересов. Участники дела, сомневающиеся в объективности судьи, могут потребовать его отклонения. В свою очередь сам судья может отстраниться от рассмотрения дела, если он считает, что определенные препятствия могут помешать ему рассмотреть дело объективным образом.

Приглашенное лицо Л. Лиела обоснованно указывает на следующее: если бы не существовало запрета, установленного оспариваемой нормой, судьям, являющимся членами политических партий, приходилось бы отказываться от рассмотрения таких дел, к которым выказывают интерес представляемые ими политические партии. Таким образом, многие судьи не могли бы рассматривать определенные дела или даже дела определенных категорий (*см. стр. 107 тома 2 материалов дела*).

30.2. Сазэйма, Министерство юстиции и приглашенное лицо А. Эндзиньш подчеркивают, что списки членов политических партий не являются общедоступной информацией, и лица не обязаны разглашать свою политическую принадлежность (*см. стр. 18 тома 1; стр. 90 – 95, 128 – 129 тома 2 материалов дела*). Следовательно, у участников дела не было бы возможности выяснить, взгляды какой политической партии представляет судья, рассматривающий конкретное дело, и они не могли бы оценить необходимость отклонения судьи.

Сазэйма обоснованно указывает, что большинство процессуальных законов предусматривает возможность отвода и отклонения судьи. Однако применение обоих упомянутых процессуальных средств тесно связано с субъективной оценкой судьи или суда. Исключением являются лишь случаи, в которых закон прямо предусматривает обязанность самоотвода судьи от рассмотрения дела. Решения о том, имеются ли объективные основания для требования участника дела об отклонении судьи или для самоотвода судьи, принимаются судом в соответствии с его внутренними убеждениями.

Следовательно, отвод и отклонение судьи не являются средствами, при помощи которых легитимная цель оспариваемой нормы может быть достигнута столь же качественно.

31. Конституционный суд обязан проверить, превышает ли польза, извлекаемая обществом из оспариваемой нормы, ущерб, наносимый правам и законным интересам индивидуума.

31.1. Конституционным судом признано: для получения необходимого ответа на конкретный правовой вопрос отдельную норму Конституции следует интерпретировать во взаимосвязи с другими нормами Конституции, так как Конституция, будучи единым документом, влияет на сферу действия и содержание каждой отдельной нормы (см., например, пункт 1.1 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01 и пункт 13 решения от 16 декабря 2005 года по делу № 2005-12-0103).

Саэйма указывает, что статью 102 Конституции необходимо рассматривать в совокупности со статьей 101 Конституции, так как вступление лица в политическую партию является лишь одним из способов участия в деятельности государства и органов самоуправления и несения государственной службы (см. стр. 16 – 17 тома 1 материалов дела).

Часть первая статьи 101 Конституции гласит, что «каждый гражданин Латвии имеет право в предусмотренном законом виде участвовать в государственной деятельности и деятельности самоуправлений, а также служить на государственной службе».

Конституционный суд ранее уже признал, что статья 101 Конституции предусматривает права, являющиеся гарантом существования демократического строя и направленные на обеспечение легитимности государственного строя (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 30 августа 2000 года по делу № 2000-03-01).

Государственная служба включает в себя все государственные должности в органах законодательной, исполнительной и судебной властей (см. Nowak M. U. N. Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary. 2nd revised ed. Kehl, Strasbourg, Arlington: N. P. Engel, 2005, p. 585 – 586).

Включив в текст статьи 101 Конституции слова «в предусмотренном законом виде», законодатель постановил, что при применении нормы права в каждом конкретном случае слова «каждый гражданин Латвии» необходимо интерпретировать во взаимосвязи с ограничениями, определенными в законах (см. пункт 1 части выводов решения Конституционного суда от 30

августа 2000 года по делу № 2000-03-01).

31.2. Право Заявителя нести государственную службу, то есть выполнять обязанности судьи тесно связано с ограничениями, определенными в законе «О судебной власти».

На судебном заседании Заявитель признал, что, приступая к выполнению обязанностей судьи, он осознавал применимые к должности ограничения, в том числе запрет на принадлежность к партиям и другим политическим организациям (см. стр. 3 – 7 тома 3 материалов дела). Приглашенное лицо Г. Земрибо во время судебного заседания указало, что, вступая в должность судьи, лицо должно осознавать не только свои права, но и связанные с должностью обязанности и ограничения (см. стр. 72 – 75 тома 3 материалов дела).

Согласно действующим нормативным актам у Заявителя имеется ряд возможностей для выражения своей позиции по вопросам, существенным для деятельности государства и органов самоуправления. Не будучи членом политической партии, Заявитель может принимать участие в выборах, народном голосовании и во внесении предложений о законах, а также принимать решения о законах, принятых Саэймой, и о поправках к Конституции. Заявитель может баллотироваться на выборах в Саэйму и в думу города республиканского значения или краевую думу, не теряя должности судьи. Выполняя государственную службу, Заявитель имеет право обращаться с заявлениями в государственные учреждения и учреждения самоуправления.

В дополнение к вышесказанному, часть вторая статьи 86 закона «О судебной власти» предусматривает право судей объединяться в общества, защищающие независимость судей, способствующие повышению их профессиональной квалификации, защищающие их права и интересы.

31.3. Несмотря на то, что оспариваемая норма относится не только к Заявителю, но и к другим судьям, Саэйма обоснованно указывает, что у Заявителя – судьи суда кассационной инстанции – есть возможность вносить свой вклад в укрепление демократического государственного строя в рамках выполнения профессиональных обязанностей (см. стр. 17 тома 1 материалов дела). В практике Конституционного суда признано: кассационная инстанция выполняет особую функцию, определяющую

особенности судебного процесса этой инстанции. Одна из целей кассационной инстанции заключается в способствовании тому, чтобы нормы права интерпретировались и применялись одинаково во всем государстве (см. пункт 2.1 части выводов решения Конституционного суда от 27 июня 2003 года по делу № 2003-04-01).

Заявитель в установленном законом порядке может участвовать в деятельности государства и органов самоуправления, а установленное оспариваемой нормой ограничение, с которым Заявитель мирился на протяжении долгого времени, не наносит существенного ущерба его правам и законным интересам.

31.4. Во время судебного заседания приглашенное лицо Й. Пастилле указало, что законодателю следовало бы заменить запрет, установленный оспариваемой нормой, «рядом разумных ограничивающих норм». Например, предусмотреть возможность оглашения судьей его политической принадлежности, чтобы участник дела мог потребовать отклонения судьи, представив соответствующее обоснование. В отношении судьи, являющегося членом политической партии, можно было бы установить различные ограничения, например, требование соблюдать нейтралитет в публичных высказываниях, запрет на участие в активной предвыборной борьбе или выдвижение кандидатуры на политические должности (см. стр. 100 – 102 тома 3 материалов дела).

Согласно действующим нормативным актам списки членов политических партий не являются общедоступной информацией. Для того, чтобы участники дела могли убедиться в принадлежности судьи к определенной политической партии, потребовался бы механизм, который позволил бы им это сделать. Однако Сазйма указывает, что разглашение соответствующих сведений следовало бы считать существенным ограничением свободы ассоциаций (см. стр. 18 тома 1 материалов дела).

Средства, упомянутые приглашенным лицом Й. Пастилле, связаны с сужением прав члена партии, определенных в статье 29 закона О политических партиях и в уставах партий. В сравнении с общим запретом, установленным оспариваемой нормой, средства, упомянутые Й. Пастилле, были бы более благоприятными для судьи, желающего стать членом политической партии, однако умалили бы возможности общества полагаться

на справедливую, независимую и объективную судебную власть. Кроме того, в Латвии решения о назначении судей на должность и их утверждении принимаются Саэймой, члены которой являются представителями политических партий. Принадлежность к той или иной политической партии могла бы в существенной степени повлиять на развитие карьеры судьи. С учетом процедуры утверждения судей нормативное регулирование должно вселять в людей уверенность, что судьи не подвержены влиянию политических партий.

Заявитель не оспаривает, что необходимо укреплять доверие общества к судебной власти и ее авторитет (см. стр. 2 – 3, 142 – 143 тома 1; стр. 109 – 115 тома 3 материалов дела). В свою очередь некоторые приглашенные лица признали, что участие судей в политических партиях способствовало бы негативному отношению к судебной власти (см. стр. 46 – 47, 39 – 42, 51 – 52, 64 – 66, 67 – 72, 83 – 84 тома 3 материалов дела). Можно согласиться с тем, что принадлежность судей к политическим партиям, возможно, создала бы у общества впечатление о слиянии судебной власти с политическими партиями. Оспариваемая норма же, напротив, служит укреплению авторитета судебной власти, и существование ограничения, устанавливаемого ею, приносит пользу обществу.

31.5. Конституционный суд указывает, что обязанность законодателя заботиться об эффективной защите, соблюдении и обеспечении основных прав нельзя считать полностью выполненной посредством принятия или вступления в силу соответствующего правового регулирования. Даже после вступления норм права в силу законодатель обязан *ex officio* по возможности следить за тем, чтобы они действительно эффективно выполняли свою задачу на практике. Конституционный суд признал, что законодатель обязан взвешивать, является ли нормативное правовое регулирование по-прежнему эффективным, подходящим и необходимым, и не нуждается ли оно в усовершенствованиях (см., например, пункт 9.5 решения Конституционного суда от 11 ноября 2005 года по делу № 2005-08-01, пункты 17.3 и 18.8 решения от 15 июня 2006 года по делу № 2005-13-0106, пункт 26 решения от 8 июня 2007 года по делу № 2007-01-01 и пункт 18.3 решения от 2 июня 2008 года по делу № 2007-22-01).

Несмотря на то, что оспариваемая норма соответствует принципу

соразмерности, законодатель в будущем может оценить дальнейшую необходимость установленного в ней ограничения в демократическом обществе.

Польза, извлекаемая обществом из оспариваемой нормы, превышает ущерб, наносимый правам и законным интересам Заявителя, и оспариваемая норма соответствует статье 102 Конституции.

Постановляющая часть

На основании статей 30 – 32 закона О Конституционном суде
Конституционный суд

постановил:

**признать часть третью статьи 86 закона «О судебной власти»
соответствующей статье 102 Конституции Латвийской Республики.**

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель судебного заседания

Г. Кутрис